

Klark Pavel Iwanowitsch (1864-1941), Angestellter d. Transbaikalischen Eisenbahn, Teilnehmer der revolutionären Bewegung. "Zu den Zeiten des General Rennekampf//Zeitschrift "Zwangsarbeit und Verbannung". Historisch-Revolutionärer Bote. Buch XVI. Moskau 1925, ss. 51-73.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

XX 298
49

КАТОРГА и ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВЛ. ВИЛЕНСКОГО (СИБИРЯКОВА)

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1917

3

МОСКВА
1925

гром крестьянских организаций. Мы были уверены, что, если что-либо подобное начнется, то провал наших организаций в деревне неизбежен, неизбежна и широкая волна расправы. Надо было спешно предпринимать свои меры. Зная, что серьезной подготовки не было, была же только налетная митинговая работа, мы решили пустить в ход тот же метод и по всем местам, где были эсеры, пустили своих агитаторов. Через 3—4 дня мы получили условные телеграммы, что вопрос с восстанием ликвидирован. Те места, которые как-будто согласны были примкнуть к восстанию, теперь выносили резолюции о провокационности его. В ближайшем № газеты мы дали основательную отповедь проповедникам восстания, выяснив вообще взгляды с.-д. на вооруженные выступления, их организацию, их значение в моменты революции и т. п.

Работа шла, можно сказать, бодро: каждый день приносил нам известия о рождении все новых и новых ячеек. С Одесским комитетом партии завязалась тесная связь: на всех заседаниях комитета постоянно бывали 2, живущие в Одессе, представителя комитета сельских организаций, присутствовали на заседаниях также и все приезжавшие из деревни члены этого комитета. В связи с расширением работы, необходимостью фактического проведения лозунгов выборского воззвания и целым рядом стоящих на очереди организационных вопросов решено было созвать 2-ю губернскую конференцию сельских организаций. Необходимо это было еще и потому, что фактически выбранных 1-й конференцией членов комитета осталось только 2, остальные были кооптированы. Началась большая организационная работа по созыву конференции, подготовке к ней докладов и пр.

А. Н. Черкунов.

(Окончание следует).

В дни Ренненкампа.

I.

Военно-полевой суд.

Ровно в 10 часов утра нас под конвоем солдат привели из тюрьмы к зданию читинского военного собрания, где заседал военно-полевой суд, и, введя в него, разместили в зале заседаний, окружив двойным рядом солдат, вооруженных ружьями.

Вскоре, вслед за раздавшимся восклицанием секретаря: «Суд идет, прошу встать», в залу вошел весь состав его.

После обычной переклички обвиняемых и свидетелей, последние были приведены к присяге и затем удалены в особую комнату. Потом председатель суда распорядился прочитать обвинительный акт следующего содержания:

«Обвинительный акт о слесаре Иосифе Григоровиче, помощнике начальника станции Эрнесте Цупсман, железнодорожном мастеровом Петре Качаеве, мещанине Иване Кривоносенко, приказчике общества потребителей служащих на Забайкальской ж. д. Исае Вайнштейне, столяре Прокофии Столярове, ревизоре материальной службы Павле Кларк, его сыне Борисе Кларк и фотографe Алексее Кузнецове, преданных временному военному суду при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампа, означенным начальником в порядке 1339 ст. XXIV кн. Св. в. п. 1887 г., изд. 3.

«Члены местной революционной партии на железнодорожной станции Чита, в своей противоправительственной деятельности в конце 1905 и в начале 1906 года вели не только агитацию среди железнодорожных мастеровых, рабочих и служащих, а также местных войск, но, кроме того, организовали и вооружили боевые дружины, похищали для них из вагонов казенное оружие и боевые огнестрельные припасы, организуя всеми означенными средствами вместе с дружинами, обнаруженными дознанием, лицами вооруженное восстание местного населения и рабочих для ниспровержения существующего в России государственного строя».

Опуская далее из обвинительного акта определение деятельности каждого из обвиняемых, переходу прямо к выписке резолютивной его части.

«На основании вышеизложенного, а также приказа генерал-лейтенанта Ренненкампфа, февраля с. г. за № 20, слесарь и чертежник депо ст. Чита мещанин Иосиф Николаевич Григорович, помощник начальника ст. Чита Эрнест Видович Цулсман и крестьянин Петр Дмитриевич Качаев обвиняются в том, что в г. Чите, участвуя в сообществе, состоявшемся для насильственного изменения в России основными законами установленного образа правления и ограничения верховной власти царствующего монарха, они в конце 1905 года и в начале 1906 г. с этой целью вели пропаганду среди служащих и рабочих Забайкальской ж. д. и местного населения, при чем Григорович, принимая участие на митингах означенных рабочих и служащих в качестве оратора, возбуждал их к захвату правительственного телеграфа в руки народа, организовал из рабочих боевую дружину, вооружив ее захваченными у правительства казенными винтовками, путем насилия вооруженными дружинниками и угрозой смерти пытался арестовать помощника полицейского надзирателя Семенова и т. п., совершал означенные действия с целью приготовления к вооруженному восстанию, направленному к ограничению верховной власти св. особы царствующего императора; Цулсман способствовал вооружению вышеупомянутой боевой дружины, захватив насильственно 19 вагонов с казенными винтовками и боевыми огнестрельными припасами и, передав их рабочим железнодорожных мастерских, распространял, с целью приготовления к вооруженному восстанию, направленному к ограничению верховной власти св. особы царствующего императора прокламации, призывающие население к захвату власти в г. Чите в руки революционеров; Качаев участвовал на митингах, произносил самые резкие речи о ниспровержении существующего государственного строя, требовал перехода Забайкальской железной дороги в ведение Смешанного Комитета из членов сообщества и собирал сведения о проходящих с поездами вагонов с казенными винтовками и огнестрельными припасами, послужившими для вооружения упомянутой боевой дружины, каковые деяния предусмотрены для каждого из них 51 и 3-ей частью 101 ст. Угол. улож. 1903 года.

«Мещанин Иван Семенович Кривоносенко, кр. Исая Аронович Вайнштейн, крестьянин Прокофий Евграфович Столяров, ревизор материальной службы Павел Иванович Кларк, почетный гражданин Алексей Кириллович Кузнецов и сын потомств. почетн. граждан Борис Павлович Кларк обвиняются в том, что тогда же и там же участвовали в сообществе, составившемся для насильственного изменения в России установленного основными законами образа правления и ограничения верховной власти св. особы царствующего

императора, при чем Кривоносенко распространял среди окрестного населения и рабочих учения, направленные к вышеозначенной цели, и говорил речи, направленные к той же цели, а также хранил у себя огнестрельное оружие и патроны. Вайнштейн распространял среди рабочих и железнодорожных служащих суждения, направленные к той же цели; Столяров устраивал у себя на квартире сходки, где читал прокламации и говорил речи с той же целью, а также хранил у себя огнестрельное и холодное оружие, патроны и взрывчатые вещества; Павел Кларк хранил для вышеуказанной цели у себя в амбаре огнестрельное оружие; Борис Кларк раздавал это оружие приходившим к нему во двор железнодорожным мастерам и рабочим; Кузнецов был председателем комитета митингов, произносил на митингах и сходках железнодорожных служащих и мастеровых речи и читал прокламации и брошюры, содержащие суждения, направленные к той же цели, каковыми деяниями перечисленные лица готовили население и рабочих к вооруженному ниспровержению установленного основными законами образа правления и к ограничению верховной власти св. особы царствующего монарха, что предусмотрено для каждого из них теми же 51 и 3-й ч. 101 ст., а в отношении Бориса Кларк еще 57 ст. того же Угол. уложения. Обвинительный акт составлен на ст. Чита 7 сего февраля 1906 г. исп. об. военного прокурора подполковник Сергеев».

По прочтении обвинительного акта было приступлено к допросу свидетелей, что отняло очень много времени. Положительно все свидетельские показания, как со стороны защиты, так равно и со стороны обвинения, были вполне благоприятны для обвиняемых. Против них показывали лишь чины полиции (главным образом, полицейский надзиратель Семов и Доменштенк) и сыщики.

Полицейский надзиратель Семов, между прочим, рассказал, как к нему на квартиру приходил подсудимый Григорович с 18 вооруженными дружинниками и в качестве начальника боевой дружины угрожал арестовать его и расправиться с ним по-своему, если он еще раз вздумает отбирать винтовки у железнодорожных рабочих. Это показание, хорошо известного в Чите Семова, особенно нравилось нашим судьям. Затем Семов свидетельствовал, что Григорович часто говорил на митингах и на одном из них настаивал на передаче правительственной почты и телеграфа в руки народа в лице городского управления. Другие чины полиции тоже показывали, что Григорович являлся обычным оратором на многих митингах, что подсудимый А. К. Кузнецов был председателем на всех митингах, устраиваемых комитетом и председательствовал также и на том митинге, на котором было решено передать почту и телеграф в ведение города. Показаниями же некоторых правительственных чиновников, вызванных со стороны защиты, было вполне доказано, что решение передать правительственный телеграф и почту в веде-

ние городской управы было еще ранее предрешено на особом совещании представителей всех ведомств, созванных Забайкальским военным губернатором генерал-лейтенантом Холщевниковым под его личным председательством. На этом совещании было констатировано, что вся промышленность, торговля и административная жизнь в области совершенно замерли, вследствие полной и продолжительной забастовки почты и телеграфа, что подобное положение совершенно нетерпимо и что единственной мерой к возобновлению действий почты и телеграфа, по мнению совещания, является скорейшая передача их в ведение города. Это постановление потом было заслушано на общественном митинге в городской управе, в присутствии всего состава управы и многих гласных думы, и уж на этом митинге состоялось решение передать почту и телеграф в ведение города.

Далее надзиратель Семов показал также, что квартира П. И. Кларка постоянно посещалась различными лицами, состоявшими, как и сам П. И. Кларк, под надзором полиции.

Городовые Иванов и Труфанов показали, что утром 6 января 1906 г. они находились передетьми вблизи квартиры П. И. Кларка и видели, как во двор этой квартиры в два приема вошла вооруженная толпа железнодорожных рабочих, численностью от 400 до 500 человек, вышла оттуда вооруженная солдатскими винтовками и ушла на вокзал. Никого из семьи Кларка они при этом не видели.

Проживающая в доме, расположенном рядом с квартирой П. И. Кларка, прислуга, крестьянка Матрена Глотова, показала, что она утром 6 января 1906 г. видела железнодорожных рабочих во дворе дома, где жил Кларк, видела, что винтовки для них вынимал из амбара сын П. И. Кларка—Борис Кларк, и он же раздавал ружья рабочим. На предложение председателя суда указать того подсудимого, который выносил винтовки из амбара и раздавал их рабочим, свидетельница Глотова указала на Бориса Кларка.

Муж предыдущей свидетельницы, Глотов, показал, что он одновременно со своею женою видел из соседнего двора, как во дворе П. И. Кларка вооружались винтовками рабочие, но утверждал, что при этом Бориса Кларка и вообще никого другого из семьи г-на Кларка во дворе не было и, что рабочие сами брали винтовки из незапертого амбара.

Обязанности военного прокурора на нашем процессе исполнял подполковник Сергеев, единственный человек из всего состава суда с юридическим образованием. В своей обвинительной речи он совершенно отказался от обвинения подсудимых Качаева и Бориса Кларка, а обвинение по отношению к другим обвиняемым понизил с 3-й части ст. 101 на 2-ю часть той же ст. Угол. улож. 3-я часть ст. 101 влечет за собой смертную казнь, а вторая часть той же статьи—срочную каторгу.

Защита обосновалась на том, что вся деятельность обвиняемых имела место после манифеста 17 октября 1905 г., и потому участие подсудимых в митингах, разных процессиях, произнесение ими на собраниях речей по различным общественным и политическим вопросам, как равно и организация ими вооруженной обороны с целью ограждения местного населения от погромов черной сотни, не может быть поставлена им в вину. Что же касается до обвинения их в принадлежности к партии, стремящейся к насильственному низвержению существующего в России образа правления и в вооруженном восстании, то эти обвинения, по мнению защиты, совершенно не доказаны. Но если бы суд и признал эти обвинения доказанными, то и тогда к обвиняемым надлежит применить ст. 102 Угол. суд., а отнюдь не 2 ч. 101 статьи.

В заключение защиты обращала внимание суда на тот факт, что инкриминируемые деяния совершены подсудимыми в такой переходный момент общественной жизни, когда волновалась вся Россия, и потому просила отнестись к подсудимым снисходительно.

Однако и такая скромная защита показалась председателю суда прямо преступной, и он два раза резко обрывал казенного защитника капитана Нормандского и в конце концов лишил его слова.

В своем последнем слове, как и еще ранее во время допроса свидетелей, некоторые подсудимые пытались осветить настоящее дело с истинной точки зрения, т. е. разъяснить, что роль подсудимых в революционном движении была совершенно различна, а потому и обвинять их в одном и том же преступлении совершенно невозможно, но при малейшей попытке к этому председатель кричал: «Это к делу не относится! Садитесь! Я лишаю вас слова».

Так никому и не удалось сказать нужного.

Но и без курьеза наш суд не обошелся. Во время прений сторон моя жена принесла нам лимонаду, и бутылки с этим невиннейшим напитком были поставлены на окно, около которого мы сидели. Через некоторое время вдруг раздался сильный взрыв. Наши судьи в большом испуге вскакивают с своих мест, с ужасом смотрят по направлению раздавшегося взрыва и, наконец, убеждаются, что звук взрыва получился от того, что газы в согревшемся лимонаде с большим шумом, сильно раздавшимся в большом пустом зале, вытолкнули пробку из бутылки к потолку. Чтобы не случилось вторично такого казуса, лимонад был вынесен в другую комнату.

В три часа ночи суд удалился для составления приговора. Мы же были отведены обратно в комнату, смежную с залом заседаний, и здесь беседовали, ожидая решения своей участи. О чем мы тогда разговаривали? О разных мелочах и... совсем не говорили об ожидавшей нас участи. Мы были страшно утомлены физически и изменены нравственно, а только что происходившая на наших глазах жалкая комедия суда, результаты которого, как нам было совер-

шенно ясно, были предрены кем-то заблаговременно, совершенно притупила наши вконец истрепанные нервы и вызвала в нас почти безразличное отношение к ожидавшей нас участи.

Но мы не утратили желания жить. Наоборот, мы все по-прежнему любили жизнь, дорожили ею и по-прежнему желали бороться. Но мы были подавлены тяжестью нашего совершенно бесправного и бессильного положения и чувствовали себя какими-то автоматами.

Да и могли ли мы чувствовать себя иначе, находясь в полной власти надменно-холодных и вечно пьяных убийц, поставленных обер-палачом Ренненкампфом над нами судьями лишь для проформы, лишь для придания более или менее законного вида самой неизбежной расправе?

Во время прошедшей пред нашими глазами пародии на суд мы видели, что наши судьи не только не проявили даже малейшего желания разобраться в том, какую роль играл каждый из нас в революционном движении, но даже совсем не слушали ни свидетелей, ни защиту, ни прокурора, отказавшегося от всякого обвинения двух из нас и значительно смягчившего в своем последнем слове свое первоначальное обвинение для всех остальных подсудимых.

Комедия суда вселила в нас полнейшую уверенность в том, что наша судьба была уже заранее предрена.

Но вот около 4-х часов утра 1 марта 1906 года обе половины двери нашей комнаты вдруг широко растворились, на пороге показался какой-то офицер и пригласил нас в зал.

Когда мы вошли в зал, то он буквально весь был переполнен солдатами с ружьями, и мы оказались в центре этой массы штыков. Здесь же, в углу, около входной двери, мы увидели значительное число наших близких, родных и знакомых. Состав суда уже был на своем месте и, стоя, ожидал нас.

Когда шум наших шагов замер, председатель полковник Тишин прочел громким голосом приговор. Из него мы узнали, что товарищ Петр Качаев «по недоказанности улик» оправдан, а все остальные 8 человек приговорены к смертной казни через повешение, при чем семнадцатилетнему сыну моему Борису Кларк, от обвинения которого отказался прокурор, смертная казнь была заменена судом вечной каторгой.

Еще не вполне успел замереть голос председателя, как раздалась громкая команда: «налево!», и вся масса солдат повернулась налево к выходным дверям, а вместе с нею повернулись и мы, и по новой команде двинулись из суда. Спускаясь по лестнице, мы успели поздравить товарища Качаева, позжать ему руку и перекинуться между собою по поводу выслушанного приговора. Да, нечего сказать, скорый, правый и милостивый суд! И, главное дело, никому не обидно: всех под один ранжир, всех к одному знаменателю!

При выходе из здания на улицу мы увидели небольшую кучку людей, жавшихся к крыльцу. Это были наши близкие, и по особенному выражению их лиц мы поняли, что они смотрят на нас уже, как на обреченных. Они махали нам шапками, платками и кто-то из них что-то кричал нам. Мы же, увлекаемые конвоем вперед, совершенно бессознательно кричали им: «До свидания». Впоследствии они рассказывали нам, как дико и больно резало их ухо это столь не гармонирующее с обстоятельствами дела выражение.

Итти нам предстояло не очень далеко. Перейдя Атамановскую площадь, мы очутились на вокзале и скоро остановились около одного из обыкновенных пультмановских вагонов 3-го класса, окруженного солдатами с ружьями. Нам предложили войти в этот вагон и... мы очутились в так называемом «смертном» вагоне Ренненкампфа.

Так назывался последний вагон в карательном поезде Ренненкампфа, в который сажали всех приговоренных к смерти и из которого была лишь одна дорога — на казнь.

II.

В «смертном» вагоне.

В «смертном» вагоне нас встретили товарищи Окунцов, Мирский и Шинкман, также приговоренные судом Ренненкампфа в Верхнеудинске к смертной казни, и другие товарищи рабочие и служащие Забайкальской железной дороги, арестованные Ренненкампфом на разных станциях, еще не судившиеся и содержавшиеся в качестве заложников.

Оказалось, что товарищи уже ждали нас, ибо еще с вечера, т.е. за несколько часов до постановления судом приговора по нашему делу, дежурный офицер по поезду Ренненкампфа просил содержащихся в вагоне товарищей потесниться и очистить место для восьми арестованных. Этот факт красноречивее всяких слов подтвердил наше убеждение в том, что устроенный над нами Ренненкампфом суд был лишь наглой комедией и что участь наша была предрена еще задолго до суда.

Здесь мы узнали подробности суда над Окунцовым, д-ром Шинкманом и Мирским, осужденным судом Ренненкампфа к повешению за газетные статьи. Из этих трех товарищей я до сих пор был знаком лишь с Мирским.

Это тот самый Лев Филиппович Мирский, который еще в 1879 году стрелял в шефа жандармов Дрентельна, был приговорен к смертной казни и по конфирмации приговора сослан на каторжные работы в Капу.

Отбыв срок каторжных работ и выйдя уже много лет тому назад на поселение, Л. Ф. Мирский в последние годы жил в г. Верхнеудинске.

Революционная волна 1905 года, конечно, захлестнула и старика Мирского, и вот, за статьи в местной газете, он опять приговорен к смерти, и кровожадный Ренненкампф возит его, Окунцова и Шинкмана и других, как заложников, заставляя их быть невольными свидетелями своих ужасных расправ и казней в Верхнеудинске и в Хилке. Этим ужасным страданиям, как будто, уже слишком много для одного человека. В виду этого немудрено, что, встретившись с Мирским в вагоне Ренненкампфа после всего лишь трехмесячной разлуки, я нашел в нем сильную перемену: он страшно поседел, состарился и как-то осунулся. Но это так понятно, когда вспомнишь, что Мирский уж второй раз приговорен к смерти, что он много лет просидел в Петропавловской крепости на каторжном положении, отбыл долготлетнюю каторгу на Каре и теперь после всего пережитого ежеминутно ждет, что вот придут палачи и поведают его с товарищами на казнь^{*)}. Впрочем, все трое мужественно переносят свою участь и спокойно ждали подтверждения приговора. Их приговор был послан в Харбин на утверждение генерал-губернатора Гродекова.

Здесь мы узнали, что Ренненкампфу предоставлено право самому подтвердить лишь приговоры над железнодорожными служащими и рабочими, а приговоры над лицами, не принадлежащими к железнодорожной семье, Ренненкампф обязан представлять на утверждение Гродекова.

В нашем процессе к числу железнодорожников принадлежали: Григорович, Цупсман, Столяров, Вайнштейн, Павел Кларк и Качаев, а остальные трое—Кривоносенко, Борис Кларк и А. К. Кузнецов ничего общего с железной дорогой не имели. Участие в процессе этих троих давало большую надежду на то, что и наш приговор будет послан на подтверждение Гродекова, еще ни разу не утвердившего ни одного смертного приговора.

Беседа с новыми товарищами была внезапно прервана появлением в вагоне состава суда, при чем нам сразу бросилось в глаза, что подполковника Сергеева, исполнявшего в нашем процессе обязанности военного прокурора, почему-то не было, а в то же время с составом суда пришел какой-то другой армейский офицер.

Председатель суда, полковник Тишин, объяснил нам, что распоряжением генерал-лейтенанта Ренненкампфа военный прокурор Сергеев от обязанностей прокурора во временном военном суде при карательном отряде Ренненкампфа отчислен и на его место назначен капитан 282 пехотного Черноярского полка Павлов.

Впоследствии мы слышали, что прокурор Сергеев настаивал перед Ренненкампфом на кассировании нашего приговора, находя его

^{*)} Воспоминания П. Кларка написаны до опубликования сведений о том, что Мирский выдал правительству сношения с волей С. Г. Нечаева, сидевшего одновременно с Мирским в Петропавловской крепости.

Ред.

неправильным, вследствие применения судом к обвиняемым более суровых статей, нежели те, на которых настаивал он, прокурор, в своей обвинительной речи, т. е. 3 части 101 ст., вместо 2-й части той же статьи, и, кроме того, Сергеев находил неправильным приговорение Бориса Кларка к смертной казни с заменой последней по не совершеннолетнему бессрочными каторжными работами, так как он, прокурор, совершенно отказался от обвинения этого подсудимого. Вот за это-то настаивание подполковник Сергеев был заменен, по распоряжению Ренненкампфа, капитаном Павловым, простым армейским офицером, но зато послушным орудием в руках Ренненкампфа.

Войдя в вагон, полковник Тишин прочитал приговор суда по нашему делу и объявил, что на принесение кассационных жалоб нам назначается 12-часовой срок со времени объявления нам приговора; что кассационные жалобы должны писаться на имя генерал-лейтенанта Ренненкампфа; что казенным защитником нам сейчас же будут представлены протокол и все делопроизводство судебного заседания; по истечении же 12 часов приговор вступает в законную силу.

Затем состав суда удалился.

Через некоторое время пришел казенный защитник, капитан Нормандский, и сказал нам, что как только генерал Ренненкампф рассмотрит наше дело,—он немедленно же принесет нам все производство суда и что для составления кассационных жалоб нам прежде всего надлежит выяснить, нет ли каких противоречий между приговором и вопросным листом. При этом капитаном Нормандским было высказано, что больших надежд на кассационные жалобы возлагать не следует, ибо они подлежат рассмотрению того же самого Ренненкампфа, инструкциями которого руководился постановивший приговор суд.

Посоветовавшись между собою, мы решили испить чашу терпения до конца, возможно лучше познакомиться с производством суда, дабы набрать оттуда как можно более фактов нарушения установленных форм судопроизводства и на них основать свои кассационные жалобы. Пускай Ренненкампф признает наши жалобы незаслуживающими уважения,—это уже его дело, мы же обязаны принять все зависящие и приемлемые для нас меры, дабы отстоять свою жизнь.

Но вот опять пришел капитан Нормандский и принес нам все подлинное судебное производство. Отдавая его нам, он сказал, что за ним пойдет впоследствии, а теперь предложил выслушать приговор, дабы его хорошенько запомнить и иметь возможность сравнивать его с вопросным листом, вшитым в дело. Защитник развернул имевшиеся у него в руках бумаги и уже хотел начать нам чтение приговора, как товарищ Григорович его спросил: «Разве вы не оста-

вите нам приговора?». «Нет,—отвечал капитан,—приговора я вам оставить не могу».

И, сколько мы ни убеждали его, что постановленный по нашему делу приговор должен быть нам предъявлен точно так же, как и все остальное судебное производство, защитник оставался непреклонным и все твердил нам, что приговора он нам никак не может дать в руки, а лишь может сколько угодно читать его вслух.

Товарищ Цупеман, заглядывавший в приговор в то время, когда его намеревался читать нам защитник, уверял нас, что видел в конце приговора какую-то надпись с подписью, похожей на слово «Ренненкампф».

Было ясно, что приговор уже был утвержден, но надпись об его утверждении не должна была нам объявляться раньше назначенного времени.

Мы тем более должны были сделать такой вывод, что у нас было оставлено все делопроизводство суда, в котором мы нашли донесения и показания шпионов, сделанные жандармами наши характеристики, донесения и показания жандармов и чинов полиции и тому подобные секретные документы, и вдруг нам не хотят дать в руки судебный приговор, постановленного по нашему же делу!

Чтобы выяснить это обстоятельство, я просил немедленно же вызвать по телефону военного юриста Рьдк, допущенного судом к защите меня с сыном на суде. Когда г. Рьдк явился ко мне в вагон, то я просил его просмотреть написанную мною кассационную жалобу и вместе с тем тихонько сообщил ему, что нам почему-то не дают на руки судебный приговор, и потому мы убеждены, что приговор уже утвержден, но это хотят скрыть впредь до официального объявления. «Если приговор наш утвержден,—говорил я,—то какой смысл писать нам кассационные жалобы?»

Затем я просил г. Рьдк взять приговор у казенного защитника, просмотреть его хорошенько и сообщить мне: не имеется ли на нем какой-либо надписи. При этом я убеждал г. Рьдк, что нам легче знать самую тяжелую правду, нежели томиться в неизвестности.

Старик Рьдк встал и вместе со мною присоединился ко всем остальным товарищам, окружавшим казенного защитника. Через несколько минут г. Рьдк попросил капитана Нормандского дать ему прочесть судебный приговор. Казенный защитник предложил прочесть его вслух, но г. Рьдк заявил, что он лично сам хочет прочесть его. Тогда капитан Нормандский ответил, что, к сожалению, не может исполнить эту просьбу.

— Как, вы отказываете дать мне, допущенному судом к защите интересов подсудимых, прочесть судебный приговор, постановленный по их делу!—вскричал защитник.

— Я могу дать прочесть вам этот приговор, но с тем условием, чтобы вы не сообщали подсудимым слишком поспешно сделанную на нем надпись,—отвечал капитан Нормандский и передал приговор Рьдку.

Этот диалог, а также и то обстоятельство, что у старика Рьдк сильно вдруг задрожали ноги, когда он читал приговор, вселило в нас полное убеждение в том, что приговор уже был утвержден.

Через несколько минут я отозвал в угол вагона г. Рьдк и просил его непременно сказать мне, что за таинственная надпись имеется на приговоре.

Г. Рьдк ответил, что приговор еще не утвержден, но я уже не верил ему. Свою кассационную жалобу я основал, главным образом, на том факте, что по приговору я был признан виновным, между прочим, и в том, что я вел пропаганду (в приговоре даже не сказано, какую пропаганду мы вели) среди служащих и рабочих Забайкальской ж. д., а в вопросном листе не оказалось поставленным соответствующего вопроса и во все время допроса свидетелей никто и не заикнулся о какой-либо пропаганде. В этом факте оба защитника видели несомненный и очень крупный повод к кассации приговора и тем не менее прибавляли, что, конечно, все зависит от личного усмотрения Ренненкампфа: захочет он дать ход кассации,—отменит приговор и дело будет рассматриваться вновь, не захочет,—приговор войдет в законную силу. «Впрочем,—прибавляли они оба,—едва ли Ренненкампф станет отменять приговор им же назначенного и руководимого суда».

Но я и сам не имел ни малейшей надежды на успех своей жалобы и подавал ее, как и все другие, лишь для очистки совести.

Но вот к нам в вагон спать пришел казенный защитник и потребовал, чтобы ему было возвращено судебное производство. Оно находилось у Григоровича, который все еще возился со своей кассационной жалобой и которому оно еще могло понадобиться. Мы указали на это защитнику, но он отобрал делопроизводство, сказав, что его потребовал Ренненкампф для нового просмотра, и тут же добавил, что срок для подачи кассации Ренненкампфом продлен еще на 12 часов. Затем, уже уходя, он сообщил нам, что Ренненкампф находится сейчас в прекрасном настроении и потому можно надеяться, что ни один смертный приговор утвержден не будет.

Таким образом наша жизнь, по свидетельству казенного защитника, зависела от того или иного расположения духа черносотенного Ренненкампфа.

Легко представить себе, положение и психическое состояние людей, жизнь которых зависела единственно от каприза, от расположения духа такого жестокого самодура, как Ренненкампф.

Но все осужденные были спокойны, по крайней мере ничем не выдавали таившейся в них ужасной муки ожидания насильственной смерти.

К вечеру на свидание с нами стали пускать положительно всех желающих нас видеть. Из бывших сослуживцев меня посетили только трое, зато у меня побывали многие из рабочих, молодежи и близких знакомых. Близкие же родные в этот день у нас были три раза.

Наконец, наступила ночь, и мы, совершенно не спавшие всю предыдущую, страшно уставшие и измученные всем происшедшим, уснули, как убитые.

Настало утро 2 марта. День был чудный, ясный. Ранее утро мы провели в беседах друг с другом. Часов с 9 утра мы стали недоумевать, почему ни к кому из нас не идут родственники на свидание.

Это недоумение скоро перешло в полную и мучительную тревогу, когда мы из окон вагона несколько раз видели проходящих куда-то наших близких, которые почему-то не шли к нам в вагон, а на наши пригласительные знаки качали отрицательно головами...

Что такое случилось? Может быть, свидания запрещены?

Вызванный нами дежурный офицер объявил, что свидания сегодня будут только с 4-х часов дня. На наш вопрос: «почему?», он ответил, что таково распоряжение Ренненкампа. Ох, уж этот Ренненкампф, там, где он вмешается, нельзя ждать ничего хорошего, — и на этот раз мы не ошиблись в этом.

В первом часу дня, тотчас после обеда, в наш вагон опять пришел весь состав нашего суда и председатель его, полковник Тишин, громко, отчеканивая каждое слово и выразительно-свирепо поглядывая на нас, прочитал следующую конфирмацию приговора генералом Ренненкампом:

«Относительно Григоровича, Цупсмана, Вайнштейна и Столярова смертную казнь через повешание заменяю казнью через расстреляние. Павла Кларк и Кривоносенко сослать на каторгу на 15 лет, Бориса Кларк и Кузнецова сослать на каторгу на 10 лет. Срок для кассации определяю до 9 часов утра 2 марта. 1/III—1906 года. Генерал-лейтенант Ренненкампф».

Тотчас же по прочтении этой конфирмации товарищ Цупсман, оборотясь лицом к председателю суда, закричал: «Мерзавцы, палачи, подлые наемные убийцы Николая кровавого, упейтесь нашей кровью, но знайте, что уже недолго осталось вам чинить такие возмутительнейшие расправы, убийства и злодеяния, так как скоро вы сами предстанете на суд русского народа, который, верьте мне, никогда не простит вам ваших злодейств!».

Григорович подошел к Цупсману, положил ему на плечо руку и сказал: «Успокойтесь, товарищ. Какой смысл ругаться?».

Воспользовавшись наступившей затем тишиной, полковник Тишин, указывая рукой на священника, сказал: «Не желает ли кто-либо из осужденных побеседовать с батюшкой?». Батюшка сделал-было два-три шага вперед, но был остановлен словами Григоровича: «Отец, вы-то зачем сюда пожаловали?». Смутившийся несколько поп, стал бормотать что-то о том, что он, как служитель Христа, должен нагугтствовать осужденных на казнь.

Тогда Григорович воскликнул: «Я понимаю присутствие здесь состава суда. Это—те же убийцы, исполнители велений всероссийского палача Николая II, ну, а вы, служитель Христа, вы зачем здесь? Пришли освятить своим присутствием возмутительнейшее убийство? Ну-ка, служитель Христа, укажите мне в евангелии то место, где Христос благословлял или хотя бы оправдывал убийство?».

Совсем потерявшийся «батюшка» вынужден был сказать, что такого места в евангелии, действительно, нет.

«А если такого места в евангелии нет, то немедленно же уберите отсюда и именем Христа уж более не прикрывайте убийств», — сказал Григорович.

После этого суд и священник немедленно же удалились.

В нашем вагоне сделалось так тихо, тихо..., как в пробу. Веяние смерти уже носилось в вагоне и присутствие ее чувствовалось всеми.

Мы все, т.-е. заключенные и караулившие нас солдаты, столпились и окружили приговоренных к смерти. Мы не могли насмотреться на их дорогие лица и старались запомнить их наимелчайшие индивидуальные особенности и их последние прощальные слова.

Григорович и Столяров были совершенно спокойны и полны сознания того, за что они умирают; Цупсман сильно волновался и все бранил суд; но, видимо, тяжелее всех было умирать бедному, хорошему, честному и самому молодому из осужденных—Вайнштейну. Он страшно томился, перенося невероятные муки, так что на него было прямо невыносимо смотреть.

Да, это станет совершенно понятным, когда вспомним, что он был приговорен к смерти за речи к рабочим и служащим ж. д., тогда как на самом деле он ни на одном из митингов не выступал оратором. И, кроме того, мог ли он спокойно смотреть в глаза смерти, когда знал, что с его смертью старуха-мать, сестра-подросток и другая сестра с 7 малолетними детьми оставались совершенно без всяких средств к жизни, так как он был их единственным кормильцем?

Обращаясь к окарауливавшим нас солдатам, большинство которых искренно сочувствовало нам, Григорович сказал: «Мы двигали общественное дело, добывали русскому народу землю и волю и добились лучших условий для жизни нашей родины. За это генерал Ренненкампф со своим судом и приказывает вам расстрелять нас. Вы

нас не знаете и потому, исполняя приказ начальства, расстреляете. Но вот вскоре вслед за нами будут судиться также судом Ренненкампа читинские солдаты и казаки за то же деяние, что и мы. Они такие же солдаты, как и вы, поэтому они вам братья, и потому вы должны отказаться расстреливать их. Теперь же, перед лицом своей смерти, я желаю вам поскорее освободиться от солдатчины и поскорее добыть себе и землю, и волю».

Солдаты были чрезвычайно растроганы этой простой, понятной и правдивой речью и наперерыв лезли пожать руку своего арестанта-товарища.

В этом факте так живо обрисовалась редкая, чисто железная воля этого удивительного человека, который, уже стоя, так сказать, одной ногой на эшафоте, все же не забывал будить сознание темной массы солдат, в которой он преимущественно и работал в последнее время.

Товарищ Столяров сказал нам: «Я уже достаточно пожил на свете, мне 63 года, но, несмотря на мой уже старческий возраст, мне тем не менее приходится умирать так неожиданно. всю свою жизнь я работал на революционном поприще и теперь, друзья, я счастлив умереть за дорогую Россию».

Эти нежные, но глубоко прочувствованные слова также сильно потрясли всех нас.

На свидание к нам все еще никого не пускали, и это было совершенно излишней жестокостью к осужденным на смерть. Они были лишены возможности проститься с близкими родными, сказать им свое последнее слово и последний раз прижать их к своему сердцу.

В конце 3-го часа дня вокзал был наводнен войсками, и скоро в наш вагон, окруженный солдатскими штыками, вошел дежурный офицер и закричал: «господа осужденные, прошу приготовиться, через несколько минут нужно будет уже итти».

В вагоне воцарилась зловещая, мертвая тишина. Цупсман встал, подошел к своей лавке и, переменяв белую рубашку на красную, сказал: «Умру в красном».

Настало ужасное, безумно-мучительное прощание с нашими наилучшими товарищами, которые сейчас будут безжалостно убиты одним из злейших врагов русского народа. Описать это прощание... я положительно не в силах. Для этого у меня нет ни подходящих слов, ни умения. Скажу только одно, что это были самые ужасные, самые мучительные минуты в моей жизни.

Мы по несколько раз подходили к каждому из осужденных товарищей, обнимали и целовали их, а в нашем мозгу, между тем, сверлила одна мысль: «Почему они умирают, а мы остаемся жить? Какой вообще смысл в нашей жизни?».

Нас душила страшная, но бессильная злоба, близко в то время граничившая с отчаянием; злоба на то, что мы были лишены всякой

возможности помешать чем-либо возмутительнейшему убийству лучших людей и вынуждены мириться с ролью беспомощных свидетелей их героической смерти... Слезы и истерические рыдания душили нас...

В наших лучших и самых дорогих товарищах, любящих, мыслящих и жаждущих жить, мы уже видели мертвецов.

Особенно тяжело было терять такого кристально-чистого, умного, энергичного и самоотверженного человека, как товарищ Григорович. А он? Он был совершенно спокоен и еще нас успокаивал.

Присутствовавшие при прощании солдаты и дежурный офицер тоже плакали.

Но вот по приглашению дежурного офицера осужденные вышли из вагона и тотчас же были окружены толпой солдат с ружьями в руках, нарочно отряженных, чтобы вести и в полной сохранности доставить их к назначенному для совершения убийства месту. Этот специальный конвой в свою очередь был окружен сплошной стеной солдатских штыков, за которыми уже толпилась пестрая масса народа, того самого народа, который еще так недавно с большим воодушевлением и огромными надеждами на светлое будущее своей родины слушал товарища Григоровича, и который теперь позорно допускал совершиться этому возмутительнейшему убийству.

Конвоировал и распоряжался всей процедурой казни, конечно, не кто иной, как знаменитый в Чите поручик Шпилевский, тот самый поручик Шпилевский, который в дни свободы 1905 г. ни за что, ни про что застрелил рабочего мастерских Кисельникова.

Итти товарищам было недалеко. Место для казни было выбрано на виду у всей Читы: напротив городского вокзала и всего лишь в нескольких саженьях от того места, где несколько лет тому назад Николай II, будучи тогда еще наследником русского престола, оставался для отдыха. Это место приходилось как раз напротив нашего вагона, и потому нам было хорошо видно.

Там уже были приготовлены 7 столов, т.е., между прочим, и для меня, Кривоносенко и Кузнецова, и около них были вырыты могилы. Все это место было окружено двойной цепью солдат.

Осужденные подошли к столбам. По их просьбе их не привязывали и не завязывали им глаз.

Товарищи наши, бывшие на месте казни, передали нам, что Столяров и Григорович перед своей смертью сказали солдатам несколько слов. Товарищ Столяров сказал: «Товарищи солдаты, стреляйте мне прямо сюда, в грудь, чтобы я не мучился».

Товарищ Григорович сказал: «Братья солдаты! мы умираем в борьбе за свободу и за лучшее будущее всего русского народа. Да здравствует революция!».

По команде офицера кучка солдат выстроилась против товарищей, бодро стоявших у своих столбов. Вот солдаты навели на них

свои ружья, целятся; офицер взмахнул платком, и раздался первый залп. Столяров, Цупеман и Вайнштейн убиты и тела их упали на землю, но Григорович неведим и продолжает стоять около своего столба. Раздались еще два залпа, один вслед за другим почти без промежутка, и тело Григоровича упало на землю. Солдаты подбежали к трупам и сложили их в могилы. Григорович оказался еще с признаками жизни, и потому он, уже в могиле, был добит офицером из револьвера.

Солдаты зарыли могилы, прошлись по ним и, оставив небольшую команду для окарауливания зарытых трупов, возвратились в город.

Небольшая кучка зрителей—свидетелей убийства—еще долго молча стояла у свежих могил.

Так были убиты четыре жертвы правительственной реакции.

Товарищ Григорович был настолько интересен и замечательный человек, что я нахожу необходимым привести о нем некоторые биографические сведения и хотя немного обрисовать его деятельность в Чите.

Под именем железнодорожного техника Григоровича Ренненкампом был казнен в Чите известный социал-демократ Антон Антонович Костюшко-Валюжанич—один из самых видных деятелей революционного движения в Забайкалии в дни свобод, уважаемый и любимый не только товарищами, но и вообще всеми людьми, с которыми его сталкивала судьба. Несмотря на свои еще очень молодые годы, Костюшко (в 1906 году ему было только 30 лет), был уже известен в революционных кругах еще до его деятельности в Чите. Он происходил из военной среды, отец его был пехотный офицер; образование он получил сначала во Псковском кадетском корпусе, который окончил первым учеником с званием фельдфебеля, а затем в Павловском военном училище в Петербурге. В августе 1896 года Костюшко был произведен в офицеры и служил в 4 гренадерском Несвижском полку. Живя в Москве, он определил своих сестер в гимназию и почти все свое жалованье отдавал старухе-матери. В это время тов. Костюшко мечтал о культурной работе среди солдат, но очень скоро мечты его разбила жизнь, и тогда он стал тяготиться службою офицера и искать возможность выйти в запас; но за полученное казенное образование он должен был прослужить на действительной военной службе 3 года. Однако по болезни ему удалось весной 1897 года уволиться в запас и осенью того же года поступить в Ново-Александровский сельско-хозяйственный институт. Сначала в институте он очень нуждался и вынужден был бегать по прошлым урокам, что очень мешало его институтским занятиям. В то время Костюшко стал усиленно заниматься химией. Перейдя на второй курс, он получил стипендию и еще с большим рвением и успехом занимался химией. Но в мае 1898 года он, за участие

в студенческих беспорядках, был исключен из института без права обратного поступления. Лето этого года он провел среди рабочих на постройке, около Самары, железнодорожного моста в качестве десятника и здесь впервые близко ознакомился с рабочими людьми. Осенью 1900 года Костюшко удалось по конкурсу поступить на 1-й курс Екатеринославского высшего горного училища, но после известных забастовок и демонстраций 15 и 16 декабря 1901 года он был арестован. Просидев под следствием более 1½ лет, Костюшко 12 февраля 1903 года был административно сослан в Якутскую область. Там он участвовал в так называемом «романовском» протесте и был в нем одним из главных руководящих членов. Во время расстрела романовцев солдатами Костюшко был ранен пулей в спину и затем приговорен по этому делу со многими другими товарищами к 12 годам каторжных работ. Все тюремное время он употреблял на пополнение своего образования. Некоторое время он содержался в Иркутской тюремной больнице и задумал отсюда бежать. Выпилив решетку окна тюремной больницы, он ночью 30 августа 1905 года вылез через окошко в тюремный двор, благополучно перебрался через высокие пали тюрьмы и бежал. В последних числах октября Костюшко появился у нас в Чите и сразу стал играть выдающуюся роль в местном движении. Читинский социал-демократический комитет поручил ему организовать из железнодорожных рабочих боевую дружину и вести пропаганду и агитацию среди местного гарнизона. Обе эти задачи он выполнил блистательно. Он организовал, обучил владеть ружьем и дисциплинировал боевую дружину из 500 человек, вооруженную 3-хлинейными казенными винтовками. Но особенно успешна была деятельность его среди местного гарнизона. Он быстро организовал совет солдатских и казачьих депутатов из выбранных солдатами представителей местных воинских частей: артиллеристов, солдат Читинского резервного батальона, железнодорожного батальона, саперного батальона и казаков Забайкальского войска. Скоро весь читинский гарнизон в 4000 человек перешел на сторону революции. На целом ряде солдатских митингов происходило братание солдат с железнодорожными рабочими и на тех же митингах, на которых собиралось до 5000 человек, был выработан ряд требований читинского гарнизона, а на депутатов солдат и казаков была возложена обязанность «предъявить» эти требования командующему войсками Забайкальской области и потребовать от него ответа к 12 часам 26 ноября 1905 года».

Вот эти требования в сокращенном изложении:

1) Немедленное увольнение всех запасных и немедленная же отправка их на родину, для чего требуем увеличить число воинских поездов до 16 в сутки.

2) Немедленная выдача командировочных денег.

- 3) Выдавать уезжающим кормовые не менее 50 коп. в день до г. Иркутска и 30 к. в день далее.
 - 4) Выдать запасным одновременно до приискания службы: холостым по 15 руб., семейным по 35 руб. каждому.
 - 5) Уравнять казацье сословие с остальными в деле отбывания воинской повинности.
 - 6) Увеличить лицевое и денежное довольствие (приводятся нормы).
 - 7) Улучшить казарменное помещение и обстановку.
 - 8) Улучшить больничное дело.
 - 9) Улучшить караульное помещение.
 - 10) Установить для солдат 8-часовой рабочий день.
 - 11) Отменить казенную прислугу (денщиков).
 - 12) Установить свободу и неприкосновенность личности солдата и установить вежливое обращение с ним на *вы*.
 - 13) Снять военное положение, усиленную охрану и не употреблять солдат и казаков для полицейской службы и усмирения освободительных гражданских движений.
 - 14) Полное уничтожение дисциплинарных взысканий, налагаемых властью отдельных начальников. Всякие служебные проступки разбирать и наказывать судом из начальника и выборных солдат, и не иначе, как в присутствии роты. Преступления же против общих гражданских и уголовных законов и по злоупотреблению начальства должны быть подсудны обыкновенному гласному гражданскому суду с участием присяжных заседателей.
 - 15) Полная свобода собрания.
 - 16) Полная свобода солдатских союзов и обществ.
 - 17) Свобода стачек военных.
 - 18) Обязательное обучение неграмотных, устройство библиотек с выпискою книг, газет и журналов, без вмешательства начальства.
- Для улучшения общего военного быта в виде временной и переходной меры к замене постоянной армии всеобщим вооружением народа гарнизон будет всеми силами стремиться к следующему:
- 1) К сокращению действительной службы до 2-х лет и запаса до 8 лет.
 - 2) Новобранцы должны призываться и служить на своей родине или вблизи нее.
 - 3) К назначению пенсий всем раненым и неизлечимо заболевшим в японскую и прежние войны и семьям убитых.
 - 4) Выдача семьям запасных пособий за время службы их кормильцев на действительной службе.
 - 5) Батальонные и военно-окружные суды должны быть отменены и дела, им подсудные, должны рассматриваться в общих гражданских судах с участием присяжных.
 - 6) Полная амнистия всем политическим.

«Наконец,—писали в своих требованиях солдаты и казаки, Читинского гарнизона,—принимая во внимание, что теперь во всей России восстал рабочий класс под знаменем социал-демократической рабочей партии, а за ним поднимается и крестьянство, мы заявляем, что мы, сами рабочие и крестьяне, сочувствуем их борьбе, вместе с рабочей партией отвергаем государственную думу, где не будет наших истинных представителей, и будем добиваться учредительного собрания, избранного всем народом, без различия сословий, наций и пола, с равной для всех, богатых и бедных, образованных и необразованных, подачей голосов, выбранных прямым и тайным голосованием».

21 ноября 1905 года солдатские и казацкие депутаты и т. Костюшко, как официальный представитель Читинского социал-демократического комитета, явились к командующему войсками Забайкальской области генералу Холщевникову и предъявили ему солдатские требования.

Генерал Холщевников очутился в безвыходном положении, так как совсем не имел военной силы, на которую он мог бы опереться, чтобы раздавить местное движение, и потому сейчас же удовлетворил часть требований, а об остальных представил начальству. Немедленно уволили более 600 человек нижних чинов в запас, отменили денщиков и удовлетворили некоторые другие требования.

Эти требования были отпечатаны во многих тысячах экземпляров и были разосланы в Маньчжурскую армию и в воинские части, расквартированные в разных городах Забайкалья. Читинский совет солдатских и казацких депутатов получал отовсюду массу приветствий и выражений сочувствия. Характерно, что все эти приветственные телеграммы адресовались прямо: «Совету солдатских и казацких депутатов» и что большинство солдатских прокламаций печатались совершенно открыто во всех легальных типографиях, не исключая и областной. Крайне характерно также и то, что в г. Чите в то время совершенно открыто существовало бюро Читинского социал-демократического комитета, адрес которого печатался во всех легальных газетах, а также открыто печаталась партийная газета «Забайкальский Рабочий».

Числа 10 и 11 января 1906 года в Чите была получена из Харбина телеграмма о выезде в Читу карательной экспедиции Ренненкампа, с указанием, что этот генерал едет на завоевание крамольной Читы с тремя эшелонами войск, пулеметами и артиллерией. По пути к Чите Ренненкампа арестовал и повез с собою нескольких служащих и рабочих Забайкальской ж. д. и с дороги прислал в Читу грозную депешу о немедленном сложении оружия и сообщил, что в случае покушения на его поезд все арестованные им будут немедленно же расстреляны, как заложники.

В Чите тогда еще царил оптимистическое настроение, поддерживаемое к тому же ошибочными слухами о победе красноярцев, забаррикадировавшихся в железнодорожных мастерских и осажденных правительственными войсками. Однако вопрос о самозащите от нашествия Ренненкампа нагнал неожиданно и резко требовал немедленного разрешения. Было предложено два плана, чтобы сберечь и укрепить завоеванные в Чите свободы: один из них исходил от союза военно-служащих, а другой — от Читинского социал-демократического комитета. План социал-демократов состоял в отсиживании в сильно-укрепленных мастерских и в развитии в городе партизанских выступлений небольшими отрядами; план же союза военно-служащих был гораздо сложнее и заключался в следующем:

Прежде всего должно быть выбрано временное революционное правительство для Забайкальской области, которое обязано весьма быстро, но все же с известной постепенностью, выполнить следующие мероприятия: тотчас же собрать в Читу всех солдат и казаков, действительно сочувствующих революционному движению и разбранных по разным городам и станциям области, и объединить их в одну компактную массу. Разоружить всех воинских чинов, враждебно относящихся к освободительному движению. Захватить артиллерийские склады, банки и казначейства и быстро отстранить в них всех должностных лиц, заменив их выборными от народа. Послать специальный отряд для взрыва Хингеновского и других туннелей, для чего было совершенно достаточно 3 вагонов с пироксилином, имевшимся в распоряжении революционеров, и этим парализовать возможность быстрого доставления в Читу правительственных войск с востока. Дальнейшее прибытие таковых оттуда же могло быть предупреждено расстановкою больших артиллерийских орудий, хранившихся в артиллерийских складах в Чите и Нерчинске, в удобных для высадки войск пунктах байкальского побережья. В то же время сильно укрепляются возвышенности (сопка) близ Читы, а читинские мастерские превращаются в военный арсенал. Конечно, этот план был совершенно чужд так называемым сепаратистским идеям и составители и сторонники его рассчитывали, что Чита послужит примером для других городов, находящихся в аналогичных с нею условиях, и что «Читинское восстание» вызовет общий революционный взрыв в отечестве и окончательно укрепит и упрочит в нем народную свободу. Этот план, между прочим, разделяли: небольшая численно группа местных социал-революционеров и некоторые отдельные работники освободительного движения. Но в Чите в то время социал-демократы были самой крупной и сильной революционной организацией и потому после довольно жарких дебатов по этому поводу был принят их план обороны. Было решено укрепить мастерские, забаррикадироваться и запереться в них. Начались весьма спешные работы по укреплению громадных мастерских: блин-

дирование стен, отливка бойниц, минирование окрестностей и проволочное заграждение их. Но боевое настроение и энергия рабочих и солдат быстро стали падать, так что когда приблизилось время запереться в мастерских, то число сторонников сопротивления оказалось совершенно недостаточным. Из 500 слишком дружинников в мастерских на последний тревожный гудок собралось около ста человек, и совсем незначительное число солдат. При таких силах вооруженного и строго продуманного плана восстания, колебания их в выборе такого плана уже в то время, когда настала минута решительных действий, и недружные действия всех революционных организаций.

Агитационная и пропагандистская деятельность местных революционеров среди воинских частей была чрезвычайно успешна, но она тотчас же парализовалась роспуском и отправкою по домам запасных, являющихся наиболее сознательным и революционным элементом. Между тем, как только какая-нибудь воинская часть переходила на сторону освободительного движения, социал-демократы сами же выставляли одним из первых и главных требований — увольнение запасных и отправку их на родину. Это было только на руку правительству, и потому оно всегда охотно исполняло такие требования, зная, что рассеянные запасные чины ему уже не так страшны. Читинский гарнизон, состоявший, главным образом, из запасных и числящийся в 4 тысячи человек, весь открыто перешел на сторону революции и представлял из себя уже некоторую внушительную силу. Когда же запасные в Чите, благодаря настоянию социал-демократов, были уволены в запас, то число сочувствующих революции солдат в Чите с 4000 упало до 400 и даже до 300, т. е. сократилось более, чем в 10 раз. Другие указанные ошибки, конечно, понятны сами собой.

20 января 1906 года товарищ Костюшко вместе с другими главными руководителями движения должен был скрыться на уже приготовленных для этого лошадях. Но перед отъездом он зашел в квартиру Кривоносенко, и там вместе с некоторыми товарищами случайно был арестован полицией, посланной военным губернатором Сычевским для ареста освобожденного народом в дни свободы сына Кривоносенко. Так сложились обстоятельства, приведшие к аресту и казни Костюшко.

Спустя через час, приблизительно, после казни к нам в вагон привели двух новых арестованных. Оба они были арестованы каким-то офицером экспедиции Ренненкампа из публики, присутствовав-

шей при казни. Один из них был уже старик, приказчик из местной потребительской лавки, товарищ погибшего Вайнштейна, а другой — унтер-офицер 1-го Уссурийского железнодорожного батальона. Первый был арестован за то, что, будучи в толпе зрителей, был так возмущен и возбужден ужасной картиной, что не вытерпел и громко назвал исполнителей убийства палачами-убийцами, а другой, — унтер-офицер, как только тела товарищей были зарыты в могилы, — протискался через публику к самым могилам и сделал пред ними земной поклон. Старик приговорен был Ренненкампом к месячному тюремному заключению, а унтер-офицер через несколько дней был отправлен под конвоем в свою часть и дальнейшая участь его мне неизвестна.

На другой или на третий день после казни товарищей взволнованный А. К. Кузнецов сообщил нам, что сегодня ночью он, вспоминая все подробности нашего дела и документы из его производства, пришел к убеждению, что несчастный товарищ Вайнштейн был казнен за деяния другого лица. Он рассказал нам, что в делопроизводстве суда он видел составленный шпионами список постоянных ораторов на народных митингах, в котором, между прочим, было написано в одну строчку: «Леонид Вайнштейн». Кличку «Леонид» носил у нас в Чите один товарищ, известный социал-демократ и действительно прекрасный оратор, к большому счастью, во-время успевший скрыться*).

Выход товарища Кузнецова чрезвычайно поразил нас своей неомысленностью. Мы все были крайне удивлены и возмущены, что бедный Вайнштейн был приговорен к смертной казни за произнесение противоправительственных речей. Это был убежденный социал-демократ и очень хороший человек вообще, но он совершенно не умел говорить и потому ни разу не выступал оратором на митингах. В то же время несчастный Вайнштейн действительно сильно походил по внешности на товарища Леонида, так что шпионы легко могли смешать их. Это позднее открытие опять совсем истерзало наши нервы. Наши бесшабашные судьи, не желавшие ни в чем разбираться, казнили одного за деяния другого. Ну, можно ли это поведение судей назвать судебной ошибкой? Не ошибка это, а ужасное преступление.

После казни товарищей мы еще недели две сидели в «смертном вагоне». За это время пришла конфирмация Гродековым приговора над Окундцевым, Шинкманом и Мирским: смертная казнь им была заменена каторжными работами без срока.

В «смертном» вагоне офицеры и солдаты обращались с нами вполне вежливо и корректно, кормили нас тоже очень порядочно, доставляя обед и ужин из буфета ст. Чита-город. Некоторые из сол-

*) Товарищ Леонид Браиловский.

дат были, до известной степени, распропагандированы и порою поражали нас своим сочувствием, да и большинство солдат этой экспедиции сочувственно относилось к нам. На наши деньги солдаты покупали нам все лучшие газеты и очень любили слушать, когда кто-нибудь из нас читал им вслух. В то время, перед созывом первой государственной думы, тон газет был еще очень приподнятый, и потому чтение газет и нам самим доставляло большое удовольствие.

Во время одного из таких чтений произошел следующий значительный и очень взволновавший всех нас случай.

Окундцов читал вслух какую-то газету, где подробно описывалась зверская расправа карательного отряда в одной из русских деревень, при чем поименно назывались все пострадавшие крестьяне и подробно описывались все глубоко-возмутительные насилия над ними. Все мы напряженно слушали это чтение, вдруг среди нас раздался дикий, нечеловеческий крик, и один из окарауливавших нас солдат затоптался на месте, выронил ружье и без чувств рухнул на пол. Остальные солдаты бросились к упавшему, положили его на лавку и вызвали смену. Прибывшие солдаты унесли находящегося лавку и вынесли в лазарет. Только на другой день мы узнали, что действия карательного отряда, о которых читал товарищ Окундцов, происходили как раз в родной деревне этого конвоира и что один из замученных крестьян был родной его отец.

Конечно, мы не замедлили воспользоваться этим случаем, чтобы разъяснить солдатам всю необходимость для них отказаться от всякой усмирительной деятельности, дабы не быть братоубийцами своих же сограждан, или чтобы не попасть в такое же положение, в котором очутился наш бедный конвоир, потерявший родного своего отца от нашествия таких же прохил-солдат, каким был и он сам ранее. Мы видели, что солдаты прекрасно пели, какую ужасно-козачью роль играют солдаты и офицеры, идущие на усмирение и убийство своих же братьев — крестьян и рабочих. Вообще, этот случай произвел на всех солдат карательной экспедиции Ренненкампа чрезвычайно глубокое впечатление и, несомненно, имел очень хорошие последствия.

Наконец, в один прекрасный день за нами пришел конвой и меня с сыном, Кривоносенко, А. К. Кузнецова, Окундцова, Шинкмана и Мирского перевели в Читинскую тюрьму. Остальных содержавшихся в «смертном» вагоне арестованных, еще не судившихся, Ренненкамп приговорил в административном порядке: некоторых к тюремному заключению на срок от 3 до 6 месяцев, а других — к высылке под надзор за пределы Забайкалья.

П. Кларк.

Klark Pavel Iwanowitsch (1864-1941), Angestellter d. Transbaikalischen Eisenbahn,
Teilnehmer der revolutionären Bewegung. "Zu den Zeiten des General
Rennenkampf" // Zeitschrift "Zwangsarbeit und Verbannung". Historisch-Revolutionärer
Bote. Buch XVII. Москва 1925, ss. 50-69

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

XX 298
42

КАТОРГА и ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВЛ. ВИЛЕНСКОГО (СИБИРЯКОВА)

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

4

XXV-37333

МОСКВА
1925

В дни Ренненкампа *).

(Окончание).

В Читинской тюрьме в 1906 году.

Итак, я, сын Борис, Кузнецов и Кривоносенко очутились в Читинской тюрьме. Нечего и говорить, что тюремная братия встретила нас чрезвычайно приветливо. Мы, а также и товарищи Окунцев, Мирский и Шинкман, доставленные вместе с нами, весьма были рады переводу нас в эту тюрьму, ибо с этого времени мы уже переставали быть жертвами усмотрения Ренненкампа, т.е. находиться совершенно вне всякого закона, а приобретали звание политических каторжан, числящихся уже за тюремным ведомством. Права политических каторжан, — если только у них были какие-нибудь права, — конечно, стеснены до самого последнего предела, и они, как и все у нас в России, вполне зависели от усмотрения начальства, но все же не такого начальства, которое было послано с единственной целью: уничтожить крамольников и окончательно устрашить общество.

Конечно, и тюрьмы тоже имеют свою целью терроризировать общество, но в них эта цель достигается, так сказать, под прикрытием существующих законов, и если и там сплошь да рядом совершаются дела незаконные, то они являются уже злоупотреблениями, да и совершаются — то они не только в руку правительства, но и в руку революции.

Действия же Ренненкампа, Меллера, Дубасова, Орлова, Алиханова и других им подобных, протекали вне всякого закона и совершались именем царя и по его особым *cartes blanches*.

В Читинской тюрьме мы застали очень много публики; почти все политические еще ожидали решения своей участи.

Во время нашего пребывания в «смертном» вагоне временным военным судом при карательной экспедиции Ренненкампа 10 марта 1906 года было заслушано так называемое Акатуйское дело. Обстоятельства этого дела заключались в следующем:

*) Начало см. в № 3 (16) журн. «Каторга и Ссылка».

На народном митинге, бывшем в Чите 23 ноября 1905 года, между прочим, было постановлено: «потребовать немедленного освобождения всех политических, содержащихся в г. Чите и в Акатуйской каторжной тюрьме (где в то время содержались 14 матросов с «Прута»), а если это требование удовлетворено не будет, то освободить таковых силой». После митинга все бывшие на нем толпою в несколько тысяч человек, с развернутыми красными знаменами и с пением революционных песен двинулись к дому военного губернатора. Здесь демонстранты остановились и выбрали из своей среды депутацию для предъявления генералу Холщевникову требования народа о немедленном освобождении всех политических в Забайкальской области. Депутаты отправились к генералу, а народ остался около его дома ждать результата. Скоро депутация возвратилась и объяснила, что губернатор согласен освободить всех политических в г. Чите, коих в то время было только трое: т. Кривоносенко (сын) и два военных писаря; об освобождении их губернатор сделал распоряжение при депутатах же. Относительно же освобождения из Акатуя матросов с «Прута», генерал Холщевников сказал, что он не имеет права сам сделать соответствующее распоряжение, но сейчас же пошлет об этом срочную депешу министру внутренних дел. После этого демонстранты сначала двинулись к военной гауптвахте, где их встретили уже освобожденные военные писаря, а затем пошли по направлению к тюрьме, где содержался Кривоносенко. Последний также был уже освобожден, и демонстранты встретили его на одной из улиц города.

Матросы с «Прута» были сосланы в бессрочную каторгу за вооруженное восстание, и октябрьская амнистия 1905 года не была к ним приложена, поэтому освобождение их являлось делом особой важности. Выполнение этого предприятия принял на себя Читинский комитет социал-демократической рабочей партии.

16 декабря 1905 года из Читы в Акутай выехала особая делегация в составе 6 человек: двух от Читинского социал-демократического комитета (Виктор Константинович Курнатовский и другой товарищ, дознанием не обнаруженный) и четыре представителя от Читинского Совета Солдатских и Казачьих Депутатов (В. П. Чистохин, А. А. Лопатин, Г. И. Белякин и Е. В. Полубояринов).

По приезде в Акутай, делегация явилась к начальнику тюрьмы и потребовала от него в ясной и категорической форме немедленного освобождения матросов, заявив, что, в случае отказа с его стороны освободить их, она перейдет к другим мерам, не считаясь уже с его властью. Начальник тюрьмы уступил оказанному на него давлению и просил своего помощника и двух делегатов солдат объявить матросам, что они свободны. После этого освобожденные матросы и делегаты немедленно выехали в Читу.

По этому делу обвинялись Виктор Константинович Курнатовский и 26 солдат и казаков—членов Читинского Совета Солдатских и Казачьих Депутатов—за то, что они избрали из своей среды 4 уполномоченных для освобождения каторжан-матросов. Кроме того, по этому же процессу были привлечены начальник Акатуйской тюрьмы Фищев и помощник его Островский,—оба за освобождение матросов.

Суд Ренненкампа оправдал начальника тюрьмы Фищева и его помощника Островского, а других обвиняемых приговорил к смертной казни: Курнатовского—через повешение, а остальных, как военных,—через расстрел.

По конфирмации этого приговора генералом Гродековым—смертная казнь всем обвиняемым была заменена бессрочными каторжными работами.

Товарищ Курнатовский был известный социал-демократ, окончивший Цюрихский политехникум с дипломом инженера-химика и уже имевший большое революционное прошлое.

В первый раз он был арестован в 1887 году в Москве и административно сослан в Архангельскую губернию. В 1897 году он был арестован вторично на ст. Вержолово за участие в перевозке через границу транспорта нелегальной литературы и был опять сослан административным порядком на 3 года в Енисейскую губернию. Отбыв и эту ссылку, В. К. Курнатовский поселился на Кавказе и много работал главным образом среди тифлисских рабочих, но в 1901 году он был вновь арестован в Тифлисе; просидев 2½ года в тюрьме под следствием, он был сослан в третий раз, теперь уже в Якутскую область на 4 года. В 1904 году Курнатовский принял участие в так называемом Романовском протесте и за это вместе со многими другими товарищами был сослан в каторгу на 12 лет. Сначала он находился в Александровском центре (Ирк. губ.), а затем был переведен в Акатуйскую каторжную тюрьму, откуда был освобожден по амнистии 22 октября 1905 года.

Следовательно, по окончании Цюрихского политехникума, большую часть своей жизни т. Курнатовский провел в различных тюрьмах и ссылках и теперь лишь после трехмесячной свободы, он был приговорен сначала к смертной казни, а потому, по конфирмации, к бессрочной каторге.

Такая многострадальная участь есть у нас обыкновенный удел почти всех действительно активных борцов за свободу родного народа, и обыкновенно только одна смерть дает им действительное успокоение.

Вскоре после разбора Акатуйского дела, суд Ренненкампа судил в Чите читинских почтово-телеграфных чиновников во главе с начальником местной почтово-телеграфной конторы Замощниковым. Судились они за почтово-телеграфную забастовку и за намерение передать правительственный телеграф в ведение читинского

городского общественного управления. Все они были приговорены к смертной казни через повешение, а по конфирмации приговора смертная казнь была заменена каторгой: Замощникову, Хмелеву, Андреевскому, Костыреву, Бергману и Мейлупу—без срока; Рыбину—на 12 лет, Дмитриеву—на 6 лет, Богоявленскому и Грекову—на 4 года, Сосновскому и Афанасьеву—ссылкою на поселение и Розову—арестантскими ротами на 3 года.

17 октября того же 1906 года, т. е. спустя лишь 7 месяцев, по совершенно аналогичному делу, т. е. тоже за почтово-телеграфную забастовку, судились иркутские почтово-телеграфные чиновники, и иркутская судебная палата вынесла следующий приговор: «Семенова, Фиксона, Зеге—лишить всех особых прав и преимуществ и отдать в исправительные арестантские отделения: первого—на три года, а последних двух—на полтора года каждого; Стерлингова—удалить от должности; Витковского, Карасева, Маркса, Иванова, Рудича, Мусиященко, Ларионова и Арцызашева—подвергнуть вычету из времени службы по 6 месяцев у каждого; Тревникову, Хрущевой, Гаргапову, Гладышевскому, Куприянову, Сверчинскому и Романовскому объявить выговор, со внесением в послужной список, а Дальнича и Орнштейна—считать по суду оправданными».

Невольно напрашивается сравнение этих двух приговоров, столь противоположных по степени наказания и если не тождественных, то, во всяком случае, совершенно аналогичных по инкриминируемым подсудимым деяниям.

Нельзя не признать приговор суда при карательном отряде Ренненкампа над читинскими телеграфистами поистине чудовищным.

Правда, читинские телеграфисты обвинялись не только в почтово-телеграфной забастовке, но и в намерении передать правительственный телеграф в Чите в ведение города. Но это обвинение было прилеплено к ним без всякого основания, так как инициатива передачи телеграфа в ведение города исходила не от обвиняемых, а от особого совещания старших представителей всех ведомств в Чите, состоявшегося по приглашению и под председательством читинского военного губернатора генерал-лейтенанта Холщевникова. Этим совещанием было признано, что правильное функционирование телеграфа могло в то время наладиться только при условии передачи его в ведение города. Самая же передача была решена на народном митинге в читинской городской думе, при участии всего состава думы и городской управы.

Следующим военным процессом в Чите был суд над союзом военнослужащих.

Этот союз возник в ноябре 1905 года. Учредители его объединялись на следующей платформе, выработанной 25 ноября 1905 года на первом собрании офицеров, военных врачей и военных чиновников читинского гарнизона: 1) существующее правительство недостойно доверия страны, и потому все его приказы и распоряже-

ния, если они идут во вред народу, не подлежат исполнению, 2) немедленный созыв учредительного собрания по 4-степенной формуле, 3) вред до созыва учредительного собрания и установления им законного правления в стране,—всеми силами помогать борцам за народную свободу и свое оружие употреблять только против врагов освободительного движения, 4) полная амнистия всем пострадавшим за политические убеждения.

Эта резолюция-платформа была подписана 168 офицерами и чиновниками, присутствовавшими на собрании. Впоследствии на основании этой платформы был выработан устав союза и избран его исполнительный орган—«комитет». Главной целью союза была пропаганда идей освободительного движения среди проходящих через Читку войск, возвращающихся с Дальнего Востока, и поддержание связи между народом и армией: своим девизом союз избрал: «Армия—народ».

Дело союза военнослужащих в Чите разбиралось 19 мая 1906 г. военным судом при карательной экспедиции Ренненкампа под председательством полковника князя Макаева и окончилось приговором к содержанию на гауптвахте: поручиков Дмитриевского и Чунихина на три месяца, войскового старшину Окунцова, капитана Александровича и поручика Садковского на два месяца, войсковых агронома Волкова, лесничего Золотухина, помощника лесничего Белозерова, делопроизводителя Горячкина, шт.-капитана Изгородина, поручика Родионова и сотника Текманова—на 1 месяц.

Этот сравнительно мягкий приговор произвел в Чите большую сенсацию: местное общество им было чрезвычайно довольно, но кровавый Ренненкамф, конечно, был им более чем недоволен и решил во что бы то ни стало добиться отмены его. Уезжая временно в Петербург и прощаясь на вокзале, Ренненкамф при публике не подал руки князю Макаеву и сказал: «А о ваших действиях, полковник Макаев, я лично доложу государю». Князь Макаев ответил, что он судил по убеждению и по закону.

Ренненкамфу удалось добиться пересмотра дела о союзе военнослужащих, и оно вторично разбиралось в Чите 25 октября 1906 года в новом составе военного суда, руководимого тем же Ренненкампом. На этот раз суд постановил следующий приговор: «поручика Дмитриевского лишить всех прав состояния и сослать на поселение; войскового старшину Окунцова—исключить со службы и лишить воинского звания, поручика Садковского, шт.-капитана Изгородина и поручика Родионова—заклЮчить на два года в крепость с увольнением от службы. Остальные подсудимые были присуждены к заключению на гауптвахте на срок не свыше 4-х месяцев. Этот приговор был утвержден и вступил в законную силу.

Военные суды в Чите, руководимые Ренненкампом, закончились обвинением бывшего читинского военного губернатора генерал-лейтенанта Холщевникова в нераспорядительности и попуститель-

стве освободительному движению. К сожалению, я не помню, к чему был приговорен этот генерал, но знаю, что от присужденного наказания он избавился только благодаря высочайшему помилованию.

Затем, выездная сессия Иркутской судебной палаты разбирала дела: в Верхнеудинске—редактора газеты «Верхнеудинский Листок» Сипайло и издателя той же газеты Райфовича; в Чите—редактора-издателя газеты «Азиатская Русь» Карамышева, редактора газеты «Забайкалье» В. В. Солдатова, издательницу той же газеты Солдатову, секретаря и фактического редактора «Забайкалье» А. В. Михайлова и сотрудника той же газеты Балакина; в Сретенске—редактора «Сретенского Листка» Потемкина, Сипайло, Райфовича, Н. Г. Карамышев, А. В. Михайлов, Балкин и Потемкин были приговорены палатой каждый к годичному заключению в крепости, а В. В. Солдатов и Солдатова оправданы.

Картина процессов, рассмотренных временным военным судом при карательной экспедиции Ренненкампа, была бы далеко не полной, если бы я не рассказал о расправах его на станциях Забайкальской ж. д. Борзя, Верхнеудинск и Хилок.

Передовой отряд экспедиции Ренненкампа под начальством полковника Тишина 9 января 1906 года прибыл на ст. Маньчжурия, где в этот день происходила демонстрация в память 9 января 1905 года. Демонстранты были жестоко избиты отрядом под командой полковника Тишина, а руководители демонстрации железнодорожный служащий Коновалов и унтер-офицер железнодорожного батальона Карякин были арестованы и увезены на ст. Борзя.

16 января 1906 года на ст. Борзя состоялся первый по времени суд Ренненкампа, процесс Коновалова и Карякина. Оба они обвинялись в подготовке вооруженного восстания с целью ниспровержения существующего в России образа правления и оба были приговорены к смертной казни: Коновалов—через повешение, а Карякин, как военный—через расстрел. По конфирмации приговора Ренненкампом Карякину смертная казнь была заменена каторжными работами на 20 лет, Коновалов же был расстрелян.

Ренненкамф до приезда в Читку никого не хотел казнить и потому, по рассказам Карякина, несколько раз присылал офицеров уговаривать Коновалова подать прошение о помиловании, обещая заменить и ему казнь каторгой, но Коновалов всякий раз с негодованием отвергал это предложение и умер очень мужественно. Солдаты мне рассказывали, что, когда его вели на казнь, он всю дорогу давал мне рассказы, что, когда его вели на казнь, он всю дорогу был расстрелян семьей Коновалова Ренненкампом был расстрелян бывший народный учитель Иркутской губернии Александр Иннокентьевич Попов, хорошо известный своею деятельностью в широких кругах Забайкалья и Иркутской губернии. В первый раз он был арестован в 1903 г. по делу Иркутского социал-демократического комитета и просидел под следствием около 2 лет. По суду он получил еще 5 лет тюрьмы, но по октябрьской амнистии 1905 года был

освобожден. Выйдя на свободу, он, ни на минуту не покладая рук, работал в качестве раз'ездного по линии агитатора Читинского социал-демократического комитета. За несколько часов до своей смерти Попов написал в высшей степени энергичное и трогательное письмо своей матери, в котором развил ту мысль, что его мать в своем страшном горе должна утешиться тем, что сын ее исполнил свой долг до конца, отдав свою жизнь за свободу и счастье родного народа.

10 февраля 1906 года, в 4 часа утра, 12 политических арестантов, содержащихся в тюрьме города Верхнеудинска, были разбужены и вызваны в тюремную канцелярию. Здесь они застали нескольких офицеров, объяснивших им, что все они преданы Ренненкампом военному суду, который состоится в тот же день, в 9 час. утра, т.-е. всего лишь через 5 часов. Затем обвиняемым был предъявлен обвинительный акт. Он был составлен так беспорядочно, сумбурно и бестолково, что чрезвычайно трудно было сказать, в чем собственно обвинялись подсудимые. Он говорит о каком-то «революционном комитете», преследовавшем политические цели и стремившемся захватить в свои руки железную дорогу и почту, и вообще был основан на всяких слухах, очевидно выхваченных из донесений шпионов, жандармов или из показаний таких лжесвидетелей, как священник Климович и машинист Старжецкий. Поэтому я лучше приведу подлинные выдержки из него, относящиеся к обвиняемым М. Д. Медведникову и А. А. Гольдсobelю.

«Помощник начальника службы тяги Меер Денович Медведников относился сочувственно к забастовкам рабочих и даже увольнял нечувствующих этому; был подстрекателем рабочих к вооруженному восстанию для ниспровержения существующего государственного строя. Знал о нахождении в библиотеке депо, в кладовке и у рабочих винтовок и, когда их при обыске нашли и отобрали, то даже называл дураками тех, кто не сумел, как следует, спрятать винтовки и не только, как начальник, не принимал мер против подготовки вооруженного восстания, но скрывал все это от властей и жандармской полиции. Состоял членом революционного комитета и товарищеского суда, который производил давление на несогласившихся прикнуться к их партии. Способствовал деятельности революционного комитета, преследовавшего политические цели и стремившегося захватить в свои руки всю железную дорогу. Проповедывал о ниспровержении существующего государственного строя и о замене его республиканским образом правления».

«Смотритель материального склада Александр Апполосов Гольдсobelь был организатором и членом революционного комитета, преследовавшего политические цели и стремившегося захватить в свои руки железную дорогу и почту; требовал от служащих подчиняться ему, а не исполнять распоряжений прямого начальства, устраивая бойкоты несогласившимся прикнуться к их партии; был одним из

главных агитаторов, ораторствуя на митингах и собраниях, призывая к борьбе с самодержавием и к свержению существующего государственного строя и введению в России республиканского правления, говоря, что нам царь не нужен, мы сами будем царями; накануне нового года в общественном собрании требовал, чтобы музыканты играли Марсельезу, был руководителем училищных демонстраций, когда ходили с флагом и пели революционные песни; был членом суда стачечного комитета и главным руководителем и подстрекателем во всех железнодорожных беспорядках; ездил на совещание в Читу для решения вопроса о захвате в свои руки железной дороги; как деятель революционного движения, по своей юркости, был положительно вездесущ: на городских и железнодорожных митингах, в стачечном комитете, во всех шествиях по городу и везде говорил речи революционного характера. Хотел спрятать в квартире Котова ящики с пироксилиновыми бомбами и винтовки; поносил царствующий дом и плевал в портрет царя».

Обвинитель даже не знал, какие должности занимают обвиняемые на железной дороге; так, Медведников был не помощником начальника службы тяги, а начальником участка тяги, Гольдсobelь же — не смотрителем материального склада, а заведывающим складом топлива. Это, конечно, неважно, но характерно.

По тем статьям закона, которые были указаны в обвинительном акте, можно догадываться, что изобленное судом Ренненкампа обвинение «в подготовке вооруженного восстания с целью ниспровержения установленного в России образа правления» было предъявлено и к этим 12 обвиняемым.

10 февраля, к 9 часам утра, обвиняемые были доставлены на ст. Верхнеудинск, где в здании железнодорожного училища состоялся суд в следующем составе: подполковник Спиридонов, командир железнодорожного батальона; капитан Войцеховский — ротный командир Дрижского полка; прокурор — капитан Павлов, ротный командир 282 Черныярского полка; секретарь — Ермолов, поручик Дрижского полка, казенный защитник Ослязов — подпоручик пулеметной роты.

На суде вполне выяснилось, что против обвиняемых никаких улик не было, а имелись лишь сообщения жандармской полиции и донесения шпионов, да самая нелепая ложь таких лжесвидетелей, как священник Климович, г-ка Котова и машинист Старжецкий. Лживость показаний священника Климовича была вполне обнаружена на суде же.

Священник Климович, например, говорил на суде, что обвиняемый Гордеев никогда не работал в депо, а лишь только занимался делами крамолы.

— Я ежедневно бывал в депо, — лжесвидетельствовал на исковерканном малороссийском языке священник Климович, — и никогда не видал этого самого Гордеева. Вин всегда то и делал, как бросал прокламации. Выл был самым злым лиходей.

— А вы, батюшка,—обратился к нему Гордеев,—Гордеева знаете?

— Як его не знать. Его всяк знает.

— А вы, батюшка,—продолжал Гордеев,—меня знаете?

— А кто вас знает, кто вы такой.

И этот свидетель был самым важным со стороны обвинения против большинства обвиняемых. Г-жа Котова послала по собственному почину письмо в суд; в своем письме она, чтобы защитить своего мужа, рассказала о том, как подсудимый Гольдсобель вынуждал ее мужа скрыть в своей квартире оружие и патроны, привезенные из Читы.

Подсудимым Медведниковым было заявлено, что обвиняющие его показания свидетеля Старжецкого совершенно ложны и сделаны им из своекорыстных интересов.

Но суд не хотел замечать ни явной лжи свидетеля Климовича, ни крайнюю и очевидную сомнительность показаний других свидетелей, ни явно корыстного старания свидетеля Старжецкого во что бы то ни стало обвинить и упечь обвиняемого Медведникова.

11 февраля, в 2 часа ночи, суд вынес следующий приговор: подсудимые: смотритель материального склада А. А. Гольдсобель, начальник участка тяги инженер М. Д. Медведников, железнодорожные рабочие: И. С. Шульц, А. М. Гордеев, машинист Милотинский, начальник ст. Верхнеудинск Пашинский, прапорщик запаса Леморенко, помощник начальника станции Мекешин и машинист Носов—приговорены к смертной казни через повешение (Леморенко, как военный, к расстрелянию); подсудимые: железнодорожный служащий Ингилевич и железнодорожные рабочие Седлецкий и Дмитриев—в каторжные работы: Ингилевич и Седлецкий на 8 лет каждый, Дмитриев на 4 года.

Затем по этому делу был утвержден Ренненкампом следующий окончательный приговор:

Подсудимых: Гольдсобеля, Медведникова, Гордеева, Шульца и Милотинского подвергнуть смертной казни через повешение, а остальных подсудимых сослать на каторгу: Пашинского, Леморенко, Мекешина, Носова, Ингилевича и Седлецкого на 8 лет каждого и Дмитриева на 4 года.

12 февраля 1906 года в лесу, около железнодорожной станции Верхнеудинск, Гольдсобель, Медведников, Шульц, Гордеев и Милотинский были повешены, при чем обязанности палача исполнял какой-то Верхнеудинский мещанин по прозвищу Яшка Нагорный.

Когда приговоренных привели к месту казни, то все увидели, что там было приготовлено 9 столбов и столько же могил при них. Осужденные чувствовали себя очень бодро и сами стали около столбов, но тут произошло замешательство. Оказалось, что палач забыл захватить с собой табуретки и теперь побежал за ними. Это отняло до 40 минут. Осужденные беседовали между собою, раскланивались

с знакомыми из публики, жавшейся тут же в сторонке, курили и даже шутили.

Вернувшийся палач был крайне неопытен и не знал, как приступить к своему делу. Тогда подсудимый Гольдсобель сам встал на табуретку, накинуд себе петлю на шею, затянул ее и, оттолкнув ногою табуретку, повис на веревке. За ним были казнены и все остальные. Под Милотинским веревка оборвалась, он упал на землю и закричал: «я жив!»

Тогда толпа рванулась к нему с криком: «невиновен, невиновен!»

Командовавший отрядом солдат подполковник Голубь скомандовал дать залп вверх толпы.

Грянули выстрелы, и толпа в ужасе бросилась в сторону.

После этого к Милотинскому подошел офицер, и солдаты пристрелили его.

Через несколько часов после казни в Верхнеудинск приехали из Иркутска отец и мать Медведникова. Несчастливым старикам сообщали, что в день казни была получена телеграмма из Петербурга о помиловании их сына, но он был уже повешен.

После убитых остались семьи без всяких средств к жизни; у Гольдсобеля остались мать, жена и шестеро маленьких детей. У Шульца—старуха мать и две сестры. У Медведникова—жена. В довершение горя этих несчастных Ренненкамф приказал выселить в 24 часа семьи казненных из Верхнеудинска. Это их окончательно разорило и обездолило.

Затем военный суд, состоящий при Ренненкампе, рассмотрел два дела о служащих и рабочих станции Хилок и о телеграфисте ст. Петровский Завод.

Сначала в Хилке суд Ренненкампа судил слесарей местного депо Рыбникова, Кузнецова, Башенина и Бондарева за покушение на жизнь машиниста Лонского, оговорившего многих сослуживцев. Подсудимые были совсем еще молодые люди, в возрасте от 15 до 21 года, и тем не менее все четверо были приговорены к смертной казни через повешение, и казнь им всем была заменена Ренненкампом: Рыбникову, Башенину и Бондареву—каторжными работами на 8 лет каждому и пятнадцатилетнему мальчику Кузнецову—8-летним тюремным заключением.

Потом тот же суд рассматривал в Хилке еще дело о 17 лицах. Обвинительный акт по этому делу был составлен еще более беспорядочно, чем в описанном выше процессе на ст. Верхнеудинск, и я действительно затрудняюсь формулировать те обвинения, которые были предъявлены подсудимым. Между тем я старался хорошенько вникнуть в него и, кроме того, не раз слышал объяснения и рассказы лиц, судившихся по этому делу. Чрезвычайно сожалею, что у меня нет под руками этого крайне любопытного документа, и потому я лишен возможности сделать из него выписки, чтобы читатель сам мог су-

дять, в чем обвиняли этих несчастных людей, и видел бы воочию, как бесцеремонно вели себя всевластные военные судьи по отношению к обвиняемым.

Все обвиняемые по этому делу были приговорены судом к смертной казни через повешение, Ренненкампф же подтвердил этот приговор так:

Подсудимых студента-практиканта Розенфельда, конторщиков участка пути Тер-Микиртычева и Шадзиевского, конторщика материального склада Иванова, помощника машиниста Марчинского, слесаря Галова, слесаря Боровинского и телеграфиста ст. Петровский Завод Беляева—предать смертной казни через расстреляние; подсудимых: монтера Турунтаева и слесарей: Распутина, Змеева, Дылло, Винокурова, Бобылева и Розенберга лишиться всех прав состояния и сослать на каторжные работы: Турунтаева на 15 лет, а всех остальных на 8 лет каждого; подсудимых, слесарей Губанова и Шилко—отдать в арестантские роты на 2 года каждого.

Упомянутые 8 человек (Розенфельд, Тер-Микиртычев, Шадзиевский, Иванов, Марчинский, Галов, Боровинский и Беляев) были расстреляны отрядом Ренненкампфа близ ст. Хилок.

Подводя итоги расправам генералов Меллера-Закомельского и Ренненкампфа над деятелями освободительного движения в Забайкалье, мы находим, что обоими этими генералами казнено 31 человек, из них 13 Меллером-Закомельским без всякого суда и следствия и 18—Ренненкампфом с пародией на суд.

Кроме того, Ренненкампфом было сослано в каторжные работы 63 человека: 36 человек без срока, 1—на 20 лет, 3—на 15 лет, 1—на 12 лет, 2—на 10 лет, 16—на 8 лет, 1—на 6 лет и 3—на 4 года. Затем им же было присуждено: на поселение с лишением всех прав состояния—трое, к арестантским ротам—четверо, к тюремному заключению на 8 лет—один; к заключению в крепости двое и один офицер приговорен к исключению со службы с лишением воинского звания. Следовательно, всего казнено Меллером-Закомельским и пострададо по суду Ренненкампфа 105 человек. Кроме того, иркутскою судебною палатою в то же время было присуждено в Забайкалье к заключению в крепости 4 редактора, один издатель и один сотрудник газет.

Значит, при «усмирении» Забайкалья после дней свобод по суду было подвергнуто наказанию 111 человек. Сколько же было приговорено Ренненкампфом и другими лицами в административном порядке к ссылке, высылке и к тюремному заключению—мне неизвестно. Но мне хорошо известно, что многим из коренного и пришлого населения Забайкалья волей или неволей пришлось перейти на нелегальное положение и раз'ехаться по разным местам. После же правительственного разгрома «усмирения» в других «воеводствах» нашей необъятной родины, оттуда, в свою очередь, очень многие работники освободительного движения бежали в Забайкалье и другие местности.

Странные иногда можно наблюдать у нас в России передвижения населения!

Громаднейшее большинство из понесших кару при «усмирении» Забайкалья состояло из служащих и рабочих Забайкальской ж. д., затем шли солдаты и казаки местных воинских частей, несколько разночинцев и офицеров, четыре редактора, один издатель и один сотрудник газет.

Замечательно, что из всей массы привлеченных к ответу революционеров-профессионалов оказалось только трое: двое из них были казнены Ренненкампфом, и один им же был сослан на каторгу без срока.

Из остальных, понесших кару, вполне сознательных революционеров было сравнительно немного; большинство же их было мало-сознательно, не инициативно, но сильно тяготело к революционному движению, т.-е. принадлежало к обыкновенной массе, разбуженной могучими волнами первой русской революции и вполне сочувствующей ей. Многие из них попали в руки усмирителей, в большинстве случаев совершенно случайно, благодаря указаниям жандармерии, которая тогда совсем не была в курсе дела, и благодаря оговорам недостойных лиц, сводивших с ними личные счеты. Генералы же усмирители считали совершенно излишним проверять эти данные и разбираться в них. Им говорили: «Вот вам революционеры, они ходили за красным флагом, пели революционные песни, кричали: долой самодержавие! Они принадлежали к революционному комитету, преследующему политические цели и стремившемуся захватить в свои руки железную дорогу. Они на встречах нового года заставляли музыкантов играть «Марсельезу». Они никогда не работали, а занимались только крамолой». И усмирители хватили их и, даже не пытаясь выяснить, что за люди были забранные ими, не проверяя показаний о них и не узнавая, был ли в действительности такой «комитет», к которому их причисляли, карали, карали и карали. Они старались лишь о том, чтобы как можно больше нахватать «революционеров», отличиться и оправдать оказанное им доверие. За ошибки же они ведь не ответственны, да и кто там будет проверять их деятельность! Так рассуждали усмирители и в своей деятельности не стеснялись.

Среди «случайных» революционеров попало много просто очень симпатичных людей, и перенесенные ими страдания, общая картина «усмирения» и дальнейшая их собственная судьба несомненно выработали из них вполне сознательных и стойких революционеров.

Большинство же действительных руководителей местного революционного движения успело спастись.

Таковы оказались результаты карательных экспедиций Меллера-Закомельского и Ренненкампфа, посланных «уничтожить» крамолу и надолго устроить местное население суровой расправой.

Со всеми лицами, судившимися по описанным процессам, я сидел в Читинской тюрьме или впоследствии в Акатуе.

Рассказал об этих процессах потому, что они имели глубокий общественный интерес, и потому еще, что они являлись наиболее важными событиями в жизни политических заключенных в Читинской тюрьме.

В апреле 1906 года начальство решило отправить в Акутай первую партию политических каторжан. Она составила из меня, сына Бориса, Зезюковича, Кривоносенко, Хмелева, Мейлупа, Бергмана, Замошникова, Костырева, Андреевского, Дмитриева, Грекова, Богоявленского и Окунцева. А так как в читинской тюрьме было чрезвычайно тесно, то начальство решило присоединить к нам почтотелеграфного чиновника Розова, приговоренного судом Ренненкампа к арестантским ротам, и еще семь человек политических, приговоренных Ренненкампом в административном порядке к тюремному заключению от 2 до 5 месяцев. Таким образом первая партия политических, отправляемая в Акутай, состояла из 22 человек.

Перед отправкою на каторгу присужденные к этому наказанию всегда осматривались особой комиссией.

Такая комиссия осматривала и нас, подлежащих отправке в Акутай, и других уже присужденных к каторге, но по тем или иным причинам еще остающихся в Чите товарищей. Она отнеслась к своим обязанностям вполне добросовестно и нашла вполне возможным освободить всех нас от кандалов; только двое из нас, Костя Зезюкович и Мейлуп, не пожелали воспользоваться этой льготой, желая узнать всю прелесть кандалов. Все же остальные следовали на каторгу без кандалов. Затем комиссия признала А. К. Кузнецова и меня неспособными по состоянию своего здоровья переносить каторжные работы. По закону всем таковым каторжная работа должна быть заменена тюремным заключением с большой скидкой в сроке. Но я хотел пойти в каторгу, так как туда шел мой еще несовершеннолетний сын, и я не хотел оставлять его одного. Взвесив это, я отказался от такой льготы.

Мы все стали деятельно готовиться к предстоящему путешествию и к жизни в Акутае. Мы знали, что в Акутае уже есть несколько политических и что они нуждаются в самом необходимом. Мы же имели порядочные для арестантов деньги: остающиеся в Чите товарищи уделили нам часть коммунальных денег, и, кроме того, у некоторых из нас были и свои деньги. Поэтому мы старались возможно больше захватить с собою всякой провизии. А так как наступила Пасха и нам в тюрьму понатаскали множество всяких пасхальных яств, то мы решили львиную долю их захватить также с собою в Акутай. Кроме того мы старались возможно больше взять с собою книги, чтобы чтением их заполнять в Акутае время и наилучшим образом использовать его.

П. Кларк.

Мои воспоминания.

(Окончание)*

Вскоре мне пришлось съездить в Ночеркасск; там состоялась моя свадьба. После венчания я с женой выехал в Крым, где осталась Соня.

Время для купанья было чудесное, Соня пользовалась с увлечением. Пловцом она была выдающаяся: заплывала так далеко от берега, что я следовать за ней не рался. А впоследствии вытащила из воды жену Эндаурова, Екарину Николаевну, высокую и массивную трусиху, неумевшую плавать и как-то неожиданно ткнувшуюся на глубине выше ее роста и со страху беспомощно опускающаяся на дно.

В половине августа, в день Уения, ежегодно стекал в Успенский монастырь под Бахчисараем масса богомольцев. С решила воспользоваться этим и отправилась пешком в коммуну знакомых девушек и женщин из ближайшей слободки, расположенной близ братского кладбища на северной стороне Севастополя бухты. Там пришлось ей ночевать в обш. массе на лужайке, близ монастыря. После она с удовольствием рассказывала подробности путешествия; в то же время на своих путчиц она произвела хорошее впечатление, что я много поз. по возвращении из Севастополя услышал от одной из них, что «сестрваша так понравилась всем, что мы не раз вспоминали о ней, когда, случалось, собирались вместе».

В конце сентября созрел виноград Соня участвовала в винограде наравне с нанятыми женщинами.

В октябре мы узнали, что в Севастополь приехали студенты Царского университета, только что выпущенный из тюрьмы, Царского его жена, бывшая Львова, и привезли ого нелегальщины. Мы с ней решили отправиться к ним в горы Между тем, несколько раньше этого, мне как-то понадобилось послать шифрованное письмо в Петербург; оставляя лошадь постоялом дворе на се

*) Начало воспоминаний В. Л. Перовго см. в № 2 (15) и 3 (1)